

КОРНИ

Нет, неправда, что эти стволы не имеют корней. Как бы их ни косили морские сраженья и войны, в Севастополе на Корабельной моей стороне спят поныне луганские пушки системы Гаскойна. Сколько ядер отлито для флота, для русской земли, сколько залпов победных давали в боях каронады... С моряками орудия эти на берег сошли и держали Малахов курган до последних отрядов. Их отсюда тащили враги после Крымской войны как трофей: до колоний, до самых канад и австралий. И спасая, тогда корабельные стволы у разбитых причалов вкопали. А потом на вершину обратно внесли на руках, чтобы дети гордиться могли, чтобы были достойны не медалей, не званий – стволов о двуглавых орлах и корней Новороссии: пушек системы Гаскойна.

БЛИНДАЖ

Да что же это, люди, как же так? Три русских школьника приходят в бундестаг и говорят про страшную войну. И в ней, войне, винят свою страну.

Вчера не праздник был и не парад,
а перелом, начало поворота,
и в контрастную ступень Сталинград
рванул орудиями, чтоб поднять пехоту.
Об этом телевизор ни гу-гу,
как будто мы тогда сдались врагу.
И «Сталинград» не выговорит власть –
как будто мы теперь готовы пасть.
Зато про бундестаг – ажиотаж,
про слёзы о солдатах не спасённых.
...А в Севастополе вчера нашли блиндаж
времен второй героической обороны.
Бульдозер вскрыл: тут обновляли парк,
заложенный вокруг мемориала.
А в нём, внутри, всё сохранилось так,
как было после месяцев атак,
когда рвалось, пылало и стреляло.
Своих детей, которые войну
хотят понять, сюда приводят люди.
Своих артиллеристов помянут
и рассказать про залпы их орудий
по немцам, приходившим убивать,
про выдержку и доблесть, чувство долга
бойцов, ещё не знавших – отступить
придётся нам, держа за пядью пядь,
покуда в спины не задышит Волга.
Ещё вдали не разглядеть рейхстаг.
Ещё не скоро там взовьётся флаг.
И Паулюс пока что не зашёл
в его не называемый котёл.
Блиндаж на склоне как разверстый рот,
как замерший во времени приказ.
И в нём навечно сорок первый год,
и каждый год, когда стреляют в нас.
А школьники вернутся в Уренгой.
Нет, их не проклянут и не осудят.
Не скажут каждому: отныне ты – изгой,
в музеи, к памятникам – больше ни ногой,
в глаза смотреть не смей приличным людям.

Но ведь они втроём не с потолка
свалились на потребу бундестагу.
Так чья руководящая рука
им выправляла на проезд бумагу?
Кто наставлял и кто слова вставлял,
чтоб их произносили, выступая?
Как незаметно подошли мы к краю:
Великая О-те-чес-твен-на-я
убита насмерть. Есть Вторая Мировая.
В лесах, полях, болотах, блиндажах
лежат не найденные до сих пор, лежат.
Теперь, выходит, им лежать во лжи?
Бульдозеры ломают блиндажи,
и на горячий, на ревущий свет
выходят все, кого на свете нет,
поскольку были произнесены слова,
что враг их и не думал убивать.
Встаёт контуженный и насмерть обожжён,
встаёт расстрелянный, заколотый ножом,
и кто с ранениями, кто без рук, без ног –
хрипят: ты не на тех напал, сынок.
И горек их вопрос, и страшен глас:
ты сожалеешь об убивших нас?
Мы не за то, сопляк, отдали жизни,
чтобы за наших правнуков взялась
вся кодла, что тоскует о нацизме,
о свастике, эсэсовском кресте
скулит, сапог вылизывая панский,
и так же брешет яростно о тех,
кто убивал в Донецке и Луганске.
Когда они придут, ты так же сдашь
и Сталинград, и Крым, и тот блиндаж?